УДК [378.12+378.2] (571.1/5) (09)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОДБОРА И РАССТАНОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ НА РУКОВОДЯЩИЕ ДОЛЖНОСТИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБИРИ (КОНЕЦ 50-х – НАЧАЛО 90-х гг. XX в.)

В.В. Петрик

Томский политехнический университет
Тел.: (382-2)-56-34-02

В статье на широкой документальной основе рассматривается деятельность центральных и региональных структур управления высшей школой в конце 1950-х — начале 1990-х гг. Большое место отводится малоизученной проблеме активного привлечения к руководству сибирскими вузами и их подразделениями кадров высшей квалификации, молодых научно-педагогических работников.

В исследуемый период в стране сложилась определенная система подбора и расстановки научно-педагогических кадров на руководящие должности в высших учебных заведениях.

В документах партийных и государственных органов последовательно проводилась мысль о необходимости выдвижения на руководящие научно-педагогические и административные должности в вузах наиболее авторитетных, компетентных людей, создания резерва из числа талантливых в научном отношении кандидатов, обладающих политической зрелостью, высокими морально-этическими качествами, организаторскими способностями. Обоснованность такого подхода определялась постоянно возраставшими требованиями к качеству подготовки специалистов, потребностью повышения уровня организационной работы всех структурных подразделений вузов.

Разумеется, медленные темпы подготовки кадров высшей квалификации – докторов наук не могли не отразиться на процессе их активного привлечения к руководству кафедрами, факультетами, вузами. В решениях органов управления высшей школой постоянно обращалось внимание на недостаточную работу с кадрами.

Так, на коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, состоявшейся в июне 1969 г. по вопросу "О составе ректоров высших учебных заведений" отмечалось, что среди руководителей вузов было 38 академиков, членов-корреспондентов АН СССР и союзных республик, 238 докторов наук, профессоров, 450 кандидатов наук, доцентов. Из них 52 ректора являлись депутатами Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик, 8 ректоров – Героями Советского Союза и Социалистического Труда. 342 ректора были авторами учебников и учебных пособий, 103 – открытий и изобретений. Более половины ректоров руководили вузами свыше 5 лет. В то же время коллегия Минвуза СССР отметила, что только 39 % ректоров являлись докторами наук, профессорами, а 24 ректора вообще не имели ученых степеней и званий. Каждый пятый ректор был старше 60 лет, в том числе 40 ректоров вузов были старше 65 лет [1].

В ноябре 1969 г. коллегия МВ и ССО СССР проанализировала и состав проректоров по учебной и научной работе. Среди них было 11 академиков и членов-корреспондентов АН СССР и союзных республик, 280 докторов наук, профессоров и 1042 кандидата наук, доцента. 20 проректоров являлись депутатами Верховного и областных советов. 472 проректора имели печатные учебники и учебные пособия, 102 – открытия и изобретения. Вместе с тем, только немногим более 20 % руководящих работников этого звена были докторами наук, профессорами, а 38 – не имели ни ученых степеней, ни званий. 130 проректоров были в возрасте старше 60 лет, в том числе 35 – старше 65 лет [2].

В названных выше решениях Минвуза СССР ставились конкретные задачи: во-первых, создания необходимых условий для подготовки и защиты руководителями высших учебных заведений докторских диссертаций; во-вторых, освобождение от занимаемых должностей тех из них, которые явно не отвечали предъявляемым требованиям.

Мало кадров высшей квалификации было среди деканов факультетов и заведующих кафедрами вузов страны. Скажем, в 1968/69 уч. г. только 6 % факультетов возглавлялись докторами и 66 % кандидатами наук. Среди заведующих кафедрами только каждый четвертый был доктором наук, 55 % – кандидатами наук, остальные же не имели ученых степеней и званий [3].

Архивные документы показывают, что 49,2 % ректоров, проректоров, деканов и заведующих кафедрами имели возраст свыше 50 лет, в том числе 20,3 % свыше 60 лет [4].

Не лучшим образом по данной проблеме складывалась ситуация и в регионах. Так, в декабре 1972 г. коллегия МВ и ССО РСФСР рассмотрела вопрос "О работе ректората Томского политехнического института с кадрами" и сделала обоснованный вывод, что только 23 % (при среднем нормативе Минвуза России – 37 %) кафедр возглавлялись докторами наук, профессорами, 5 заведующих кафедрами не имели ученых степеней и званий, среди деканов факультетов не было ни одного доктора наук, профессора [5]. Положение с научно-педагогическими кадрами, в том числе руководящими, усугублялось их значи-

тельной текучестью, миграцией в Европейскую часть страны. За 1966–1970 гг. из ТПИ выбыло 10 докторов и 104 кандидата наук [6].

Эти данные служат достаточным основанием для вывода о том, что в рассматриваемый период, как в целом по стране, так и в регионах наблюдались резко выраженные диспропорции в квалификационной и демографической структурах административно-управленческого персонала вузов. Следовательно, возникла потребность в выдвижении способных молодых ученых на руководящие должности в высших учебных заведениях.

Вместе с тем, нужно отметить, что многие вузы, в том числе и сибирские, не проявляли должного внимания к вопросам выдвижения талантливой молодежи из числа профессорско-преподавательского состава на административно-управленческую работу. Например, в период с 1965 по 1970 гг. в ста высших учебных заведениях системы Минвуза СССР было выдвинуто на руководящие должности 1153 человека. Из них 42,3 % были старше 40 лет; в возрасте же до 30 лет не было выдвинуто ни одного работника. Только каждый десятый специалист имел высший квалификационный разряд, а 7 % являлись "неостепененными".

Тем не менее, были отдельные исключения из общих правил, когда в том же Томском политехническом институте, ректор А.А. Воробьев, возглавлявший вуз в 1945–1971 гг., имел смелость назначать на административно-управленческие должности вчерашних выпускников вуза. Так, Юрий Загромов в 27 лет стал деканом теплоэнергетического факультета, Владимир Кочегуров в 26 лет был командирован в Италию на стажировку, Андрей Диденко в 34 года стал директором НИИ Ядерной физики при ТПИ, Юрий Похолков (будущий ректор института) в первый же месяц после окончания вуза читал лекции, а менее чем через год стал заместителем декана [8].

А.А. Воробьев специально приезжал в столичные высшие учебные заведения, чтобы отобрать наиболее перспективных молодых ученых для пополнения преподавательского состава ТПИ. Вряд ли кто из ректоров тогда, предпринимал подобные поездки, заботясь о кадровом потенциале своего вуза. Также внимательно следил он и за работой молодых сотрудников. "Однажды Александр Акимович пришел со свитой ко мне на кафедру, – вспоминает ректор Томского политехнического университета Ю.П. Похолков, – устроил разнос за обнаруженный беспорядок (подразделение как раз переезжало) и уже уходя, строго спросил: "Так. Когда защита диссертации?" – Александр Акимович, я ее два года назад защитил". – "Я вас не о кандидатской спрашиваю. Спрашиваю о докторской. Вы намерены защищать докторскую? Мы вас знаем, мы за вами следим. Вы это учтите" [9].

По нашему мнению, эти обычные сейчас, а тогда нетривиальные кадровые решения мог себе позволить человек, уверенный в себе и также рано познавший меру ответственности. Действительно, в 30 лет А.А. Воробьев защитил докторскую диссертацию, в 31 становится деканом и заместителем директора ТПИ по научной и учебной работе, а в 35 – ректором Томского политехнического института [10].

Следует сказать, что после преодоления в середине 1960-х гг. спада квалификационного уровня научно-педагогических кадров, высшая школа стала постепенно улучшать показатели. Начала, хотя и медленно, повышаться эффективность работы по подбору и расстановке научно-педагогических кадров на руководящие должности. Больше внимания вузами стало уделяться проблемам, связанным с формированием резерва на замещение административно-управленческих должностей (ректор, проректоры, деканы, заведующие кафедрами),качественным ростом претендентов, зачисленных в его состав. Все это не замедлило сказаться и уже в первой половине 1970-х гг. появились условия для замещения руководящих должностей кадрами высшего звена – докторами наук, профессорами. Данная тенденция получила свое развитие и в дальнейшем. Например, в 1980 г. среди ректоров системы Минвуза РСФСР доктора наук, профессора составляли 66 %, а среди проректоров – 36,8 % (в 1975 г. соответственно – 52,6 % и 30,8 %). Из 11885 кафедр 4488 (37,8 %) также возглавлялись докторами наук и профессорами (в 1975 г. – 36,1 %) [11].

О положительных изменениях в составе руководящих кадров основных структурных подразделений вузов Российской Федерации вне зависимости от их ведомственной подчиненности, в период с 1965 по 1991 гг., свидетельствует то, что если на начало 1965/66 уч. г. среди штатного персонала деканов и заведующих кафедрами доктора наук, профессора составляли 7 % и 29,4 % [12], то в 1990/91 уч. г., соответственно – 15 % и 42,6 % [13].

Позитивные тенденции в качественном составе административно-управленческого корпуса высших учебных заведений проявились в исследуемый период и в вузах Сибири. Решающую роль в этом процессе сыграло то, что вузы усилили внимание к вопросам подбора, расстановки и аттестации руководящих кадров. При этом следует заметить, что существовали еще аспекты научно-образовательной политики. Это собственно кадровый аспект и направленный на него идеологический. В те годы назначения на посты руководителей высших учебных заведений и их заместителей осуществляли министерства и ведомства, согласуя свои решения с партийными органами.

Если вдруг незыблемое правило нарушалось, что бывало весьма редко, то со стороны местных парторганов мгновенно следовали "справедливые нарекания", указания на то, что "это нарушает организацию партийного контроля за подбором, расстановкой и воспитанием руководящих кадров" [14].

В рассматриваемый период правящая партия обладала практически монопольным правом в проведении кадровой политики. Например, в список

должностей номенклатуры Бурятского обкома КПСС по отделу науки и учебных заведений входили министр просвещения БАССР, заместитель министра просвещения автономной республики, ректоры и проректоры институтов – педагогического (БГПИ), сельскохозяйственного (БСХИ), технологического (ВСТИ) и культуры (ВСГИКа) [15].

В Томском обкоме партии была определена номенклатура должностей ректоров и проректоров вузов областного центра. Это были в основном высококвалифицированные и опытные работники, имевшие ученые степени и звания докторов, профессоров. Так, в 1988/89 уч. г. из 24 ректоров и проректоров учреждений высшего образования Томска – 14 имели это ученое звание и степень. Из 22 заведующих кафедрами общественных наук – 9 были представлены специалистами высшей квалификации. Указанные кадры отличались стабильностью и работали на этих руководящих должностях от двух до двадцати пяти лет. Средний возраст ректоров и проректоров составил 52 года, а заведующих кафедрами – 53,4 года. С конца 1980-х гг. на посты административно-управленческого персонала основных структурных подразделений томских вузов стали избираться молодые (от 40 до 50 лет) кадры (В.В. Новицкий – ТМИ, А.М. Кориков – ТИАСУР, Э.Н. Камышев – ТПИ, Ю.А. Кулаков – ТГПИ, Р.О. Рыкун – ТИСИ и др.). Вместе с тем, имелись случаи, когда на эти должности назначались научно-педагогические работники в возрасте старше 60 лет (например М.Е. Плотникова – зав. кафедрой истории СССР советского периода ТГУ) [16].

Данный номенклатурный подход был характерен для высшей школы в целом. Скажем, бюро Омского обкома КПСС при обсуждении в июне 1974 г. вопроса "О подготовке к открытию ОмГУ" в числе первоочередных задач приняло решение о целесообразности иметь в номенклатуре областного комитета партии должности ректора, секретаря первичной партийной организации, проректоров, деканов факультетов, заведующих кафедрами и лабораториями университета [17].

В октябре 1980 г. бюро Иркутского обкома КПСС рассмотрело вопрос "О номенклатуре должностных лиц Братского индустриального института". В принятом постановлении регионального органа власти указывалось, что должность ректора БрИИ следует считать номенклатурой ОК КПСС, проректоров – Братского горкома партии, а должности деканов и заведующих кафедрами – райкома КПСС [18]. Секретариат Иркутского областного комитета партии (декабрь 1980 г.) специально принял решение по вопросу "Об утверждении заведующих кафедрами вузов г. Иркутска" [19].

Следует сказать, что включение руководящих вузовских кадров в номенклатуру местных партийных органов с одной стороны, создавало условия для дополнительного внимания к ним со стороны властей, с другой, – способствовало вмешательству правящей партии в жизнедеятельность вузов.

Номенклатурный подход порождал протекционизм по отношению к одним работникам и необоснованное недоверие к другим.

Согласно данному подходу на административно-управленческую работу выдвигались те из них, которые являлись членами КПСС, в то же время отторгалась большая группа талантливых организаторов, не обладавших партбилетом. Это не только мешало заслуженной перспективы многих людей, но и искусственно сужало возможный резерв на выдвижение, наносило вред демократическим началам управления высшей школой [20].

Необходимо остановиться еще на одной проблеме характерной для кадровой политики тех лет – тенденции большой сменяемости кадров руководителей вузов.

Так, в системе Министерства просвещения СССР (Минпроса СССР) из 164 ректоров в 1976–1980 гг. были освобождены от должностей 71. В некоторых пединститутах руководители сменялись через год-два после назначения. Подобное положение имело место в вузах Министерства сельского хозяйства СССР (Минсельхоза СССР), Центросоюза и ряде др. [21]. При обсуждении на коллегии Минвуза РСФСР (март 1984 г.) вопроса "Итоги работы с руководящими и научно-педагогическими кадрами в подведомственных Министерству вузах за 1983 год и задачи на 1984 год" отмечалось, что в 1983 г. было освобождено от занимаемой должности 186 руководящих работников, в том числе 27 ректоров, 64 проректора по учебной и научной работе, 40 проректоров по административно-хозяйственной части [22].

В сибирских вузах большая сменяемость административно-управленческого персонала наблюдалась в Омском госуниверситете, Читинском политехническом, Красноярском сельскохозяйственном, Тюменском медицинском, Енисейском, Кызыльском и Новокузнецком педагогических институтах, Иркутском институте народного хозяйства, Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности [23].

Эти, а также другие факты свидетельствуют о том, что управленческие структуры проводили явно недостаточную работу по изучению деловых, профессиональных и нравственных качеств подбираемых на руководящие должности кандидатур, отсутствовал резерв на их замещение. Сложность была и в том, что многие научно-педагогические работники, защитившие диссертацию и получившие ученую степень доктора наук, к сожалению не обладали организаторскими способностями и не могли быть в силу этой причины использованы на руководящей работе.

Итак, в рамках рассматриваемого периода, центральными управленческими структурами научно-образовательного комплекса и местными органами власти был накоплен определенный опыт подбора и расстановки кадров на руководящие должности в высших учебных заведениях. Этот

опыт свидетельствует о необходимости первоочередного внимания к созданию в вузах эффективного резерва кадров и систематической работы с кандидатами, зачисленными в его состав, регулярного пополнения резерва новыми кандидатами.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что сложившаяся в конце 1950-х – начале 1990-х гг. система управления высшей школой несла на себе печать своего времени и развивалась по законам этого времени. К тому же результативность данной системы во многом определялась внеэкономическими мерами административного контроля властных структур различного уровня развитием высшего образования как в целом по стране, так и в отдельно взятом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-9606. Оп. 1. Д. 3601. Л. 39–41.
2. Там же. Д. 3602. Л. 151.
3. Там же. Д. 3647. Л. 48.
4. Там же. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4571. Л. 69–70.
5. Там же. Д. 5458. Оп. 1. Д. 1. Л. 69–70.
6. Там же. Л. 73.
7. Там же. Д. 4571. Л. 70.
8. Выгон С. Блестящее время Александра Воробьева. К 90-летию со дня рождения // Красное знамя (Томск). – 1999. – 11 сент.
9. Там же.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф.607. Оп. 1. Д. 2825. Л. 222–223.
11. ГАРФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8395. Л. 33.
12. Там же. Д. 4571. Л. 92.
13. Текущий архив ГАРФ. Протокол заседания коллегии Минвуза РСФСР, 25 апреля 1991 г. Л. 47.
14. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 10. Д. 464. Л. 32; Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. П-3. Оп. 51. Д. 45. Л. 2–3; Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. П-1. Оп. 141. Д. 310. Л. 3–5; Филиал Центрального государственного архива Республики Хакасия (Филиал ЦГАРХ). Ф. 2. Оп. 6. Д. 7. Л. 3–5.
15. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6829. Л. 52–53.
16. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 318. Л. 21.
17. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 17. Оп. 102. Д. 48. Л. 37.
18. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.
19. Там же. Ф. 127. Оп. 108. Д. 58. Л. 55.
20. Барсуков В.Н. Высшая школа России: опыт руководства (60-е – 80-е гг.). Пособие по спецкурсу (Под ред. проф. З.Г. Дайча). – М.: Прометей, 1993. – С. 63.
21. Всесоюзное совещание работников высших учебных заведений в Москве, 6–8 февраля 1980 г. (Сокращенный стенографический отчет). – М., 1980. – С. 58.
22. Текущий архив Министерства образования Российской Федерации (Текущий архив МО РФ). Справка: "Итоги работы с руководящими и научно-педагогическими кадрами в подведомственных Министерству вузах за 1983 год и задачи на 1984 год".
23. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 51. Д. 57. Л. 36; Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 38. Д. 40. Л. 35; Центр документации новейшей истории Тюменской области (ЦДНИТюО). Ф. 124. Оп. 232. Д. 107. Л. 97; Центр архивных документов партий и общественных организаций Центрального государственного архива Республики Тыва (ЦАДПОО ЦГАРТ). Ф. 2. Оп. 15. Д. 55. Л. 19; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 27. Д. 134. Л. 63–64; Оп. 28. Д. 45. Л. 104–108; ЦДНИИО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 110. Л. 84–85.

УДК 947 (470):002.2(671.1/.5)